

И ТАК, я набрал номер телефона, записанный на хранившемся у меня листке, и уже через день встретился с Серафимой Васильевной Фадеевой (той самой незнакомкой, которая обещала рассказать о пропавшем шалыпинском наследстве).

Серафима Васильевна пришла не с пустыми руками, в ее хозяйственной сумке было много разных бумаг.

— Даже не знаю с чего начать, — устало улыбнулась она. — Двенадцать лет бьюсь за то, чтобы восторжествовала справедливость. Куда только ни обращалась — везде понимающе выслушивают, но ничего конкретного не принимают. Кстати, живы сын и дочь Шалыпина — Федор Федорович и Татьяна Федоровна. Оба — в Риме. Тоже недоумевают по поводу наследства. Послушайте, что, например, пишет Федор Федорович в одном из своих писем, датированном апрелем 1990 года.

«...Нигде в мире, ни в одной культурной европейской или американской стране такое безобразие случиться не может. Это было возможно только в Советской России. Так как твердых законов нет, и личность никак не защищена... Посудите сами. Умерла сестра Ирина. Нас вызывают в Москву принять наследство. Сестра оставила завещание и точно все указала, а также перечисляет свои драгоценности — кольца, браслеты, брошки и т. д. Приезжаем. Входим в квартиру. Совершенно пустая. «Где все?» — спрашива-

ем. Ответ: «Все в архиве!» — «А мебель тоже?» Молчание. Кроме всего, драгоценности исчезли. Спрашиваем: «Кто вор?» Знакомые указывают на доктора. Заявил о воровстве... никакого следствия и результата. Вероятно, приказ — дело замать.

Кража моего фильма из моей квартиры. Всем написал, кому надо. Никакого результата. Все затихли.

Дело с домом на Новинском. Я, сестра Таня — заявили свое недовольство «Глинками». (Речь о музее

поезжайте туда и вы». Тут же села в такси и поспешила на Кутузовский проспект, где до последнего времени жила Ирина Федоровна.

— И увидели того человека, который первым вошел в квартиру? — опять перебил я Фадееву.

— Увидела.

— Кто же это был?

— Пашков... Пал Палыч. Как он сам себя называет — пасынок Ирины Федоровны. На самом же деле — совершенно чужой ей человек. Когда-то она была замужем за неким

Федоровна была верующая, и надо похоронить ее по-христиански...».

Как только дверь распахнулась, все они разом ринулись к платяному шкафу, в котором среди одежды, насколько мне известно, висела сумочка с драгоценностями: бриллианты, золото, серебро... Смотреть, как они копались в чужом белье, было невозможно. Мне стало дурно, и я вышла в коридор.

— И что произошло дальше?

— Через какое-то время на

Частное расследование

Александр АРЦИБАШЕВ

Бриллианты Шалыпина

имени Глинки, филиалом которого является музей Шалыпина. — А. А.). Никаких результатов.

Вы хотите, чтобы я приехал в Москву, и другие зовут, чтобы исправить дело в доме на Новинском. Для чего? Все равно все переделает Савченко на свой мещанский лад. Нет, ...пока Глинки заведуют домом, мне в Москве делать нечего. Я не турист и в Москву еду всегда только по делу, вы это знаете. Меня все это, конечно, очень огорчает, но делать нечего. Бессмысленно...»

Серафима Васильевна оторвала взгляд от письма и еще раз повторила:

— Бессмысленно?..

Листок в ее руках задрожал, и она опустила его на колени. Справившись с волнением, продолжила:

— Разве не стыдно за страну, читая такое: «...Итальянцы, которые имели какие-то дела в Москве, предупреждали: вам там или налгут, или вас обманут, или обкрадут?..»

— Чьих же это рук дело с наследством-то? — не выдержав, спросил я.

— Еще при жизни Ирина Федоровна, помнится, однажды сказала мне: «Очень боюсь, что после моей смерти первым войдет в квартиру один человек...» Кто конкретно — не назвала. И вот тот печальный октябрьский день. Я тогда работала в Министерстве культуры. Вызывает меня помощник Демичева и говорит: «Слыхали, умерла дочь Шалыпина?» — «Ирина Федоровна?» — ахнула я, обомлев. «Да, — отвечает, сейчас на ее квартиру поехала комиссия,

Пашковым, затем развелась с ним. Он женился на другой женщине, и у них родился сын — этот вот самый Пал Палыч... Вас, вероятно, интересует, по какому праву Пашков первым вошел в квартиру?

— Конечно, — подтвердил я.

— По праву наследника.

— Ничего не понимаю...

— Не могу понять этого и я, — добила Серафима Васильевна. — Дело в том, что своим душеприказчиком покойная Ирина Федоровна назначила как раз именно Пашкова. Почему? Затрудняюсь ответить. Так вот, Пал Палыч на моих глазах тогда и вошел первым в квартиру. Вместе с ним вошли и некоторые другие лица, крутившиеся в последние годы жизни вокруг покойной: некая Дальская (настоящая фамилия Барановская), она как будто бы внучка того самого артиста Мамонта Дальского, что дружил с Федором Ивановичем Шалыпиным, доктор Малов (скажем так: друг Ирины Федоровны, хотя и был младше ее лет на тридцать), потом секретарь покойной — Попов Анатолий Иванович. Вот, собственно, и все главные действующие лица.

— А комиссия Министерства культуры?

— Никакой комиссии не было. Министерство представляла лишь я одна. Ой, забыла: на лестничной площадке стояли еще два милиционера и какой-то незнакомый мне мужчина средних лет. Пашков пояснил, что это юрист. Я, помнится, поинтересовалась тогда: «К чему такая спешка?» Пал Палыч ответил: «Вы ведь знаете, Ирина

лестничной площадке появилась Дальская с вещами, необходимыми для похорон. Следом вышли и остальные. Квартиру вновь заперли.

— Кто закрыл? Не помните?

— Ключи были, по моему, у Пашкова... А может быть, и у Малова. Простите, не обратила на это внимания.

— Значит, или тот, или другой могли в любое время попасть туда вновь? — предположил я.

— Выходит, так, — заключила Серафима Васильевна. — Факт тот, что сумочка с драгоценностями после смерти Ирины Федоровны таинственным образом исчезла.

Она тяжело вздохнула и замолчала.

— Интересно: а много ли драгоценностей было у покойной? — нарушил молчание я.

— Шалыпина заваливали подарками, сам царь делал ему подношения. Нередко на сцену, когда пел Федор Иванович, богатые русские купцы, промышленники бросали бриллианты, золотые кольца, печатки... Все это он оставил в России, дочери. Незадолго до смерти Ирины Федоровны (кстати, неожиданной и загадочной) к ней пришла в гости Татьяна Александровна Слонова — жена Юрия Слонова, покойного друга детей Шалыпина. Так вот, она после вспоминала: «Прихожу к Ирине, звоню в дверь. Открывает она мне, и я чуть ли не падаю в обморок — на ней немалое количество дорогих украшений: изумительные серьги, кольцо, перстни с бриллиантами, золотые часы, кольца, брошь...»